

Максуд
АЛИХАНОВ-АВАРСКИЙ

ПОХОД В ХИВУ

T8 RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
А50

Алиханов-Аварский, М.

А50 Поход в Хиву / М. Алиханов-Аварский. — М. : Т8
Издательские технологии / RUGRAM, 2019. — 290 с. —
(ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ).

ISBN 978-5-519-66052-5

«Ничто так не развивает ум, как путешествие», — говорил Эмиль Золя, понимая, что мало какие ощущения могут сравниться с открытием неизведанных уголков, далеких и близких, на нашей Земле.

На протяжении всей истории человечества путешественники считались героями, странниками, оставляющими привычный уклад жизни и отправляющимися в неизвестность. Стремление к дальним горизонтам, к неизвестности, лежит в основе человеческой природы, а наиболее успешные — или наиболее авантюрные — попытки покорить неизвестные дали неизменно вписываются в список величайших свершений. Будь то доисторический абориген на хлипком судне, античный мореплаватель, средневековый торговец, просвещённый гуманист семнадцатого века или полярный исследователь века двадцатого — все они составляли когорту великих странников, устремленных в неизвестность. Их истории, воспоминания и жизни — образцы высшего проявления человеческих возможностей и человеческого духа.

Серия «ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ» — способ познакомиться с историями многих великих географов, первооткрывателей и исследователей, узнать больше об их жизнях, переживаниях и свершениях.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
VIC WTL
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-66052-5

© Т8 RUGRAM, оформление, 2019
© Т8 Издательские технологии, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начале 1873 года возглас «В Хиву!» раздавался в среде военной молодежи Кавказа, точно «За Рейн!», облетевший всю Германию пред войной семидесятого года. Возбуждение было необычайное. Месяца еще за два до похода в клубы, в ресторанах и в гостиных Тифлиса только и слышалось о Хиве, и офицеры пускали в ход все пружины, чтобы только добиться назначения в один из экспедиционных отрядов. По обыкновению, многие стремились, конечно, в так называемый «крестовый поход» или поход за крестами. Но предстоявшее движение наших войск представляло интерес и помимо этого. Я помню в одном доме такой эпизод.

— Поздравьте, еду сегодня же! Как вы думаете — куда? — воскликнул офицер, влетая в кабинет с необыкновенно сияющею физиономией.

— В Петербург? — спросил хозяин, пожимая руку своего приятеля.

— О, нет, гораздо дальше — в Хиву!

— Ну что ж, конечно, привезете оттуда, быть может, и несколько крестов. Но неужели вы серьезно рады? Ведь

вы меняете, быть может, целый год жизни на какое-то цыганское шатанье по безлюдной пустыне! Признаюсь, я не совсем понимаю вашу радость.

— А понять меня, — заметил гость, — не трудно, или, по крайней мере, так же легко, как медика или всякого другого специалиста, ищущего практики. Ну что такое, скажите пожалуйста, военный, никогда не бывавший на войне, как не архитектор, например, который ничего не построил в своей жизни? У таких военных жажда деятельности более существенной и разнообразной тем более должна быть понятна, что ведь вы знаете, что такое офицерская жизнь в мирное время! Да, помимо этого, труды и опасности, сопряженные с боевой жизнью, составляют даже приманку для тех, кто не успел еще разочароваться в своих надеждах. Но в настоящем случае это далеко не все. Весьма простая, по-видимому, военная задача наших отрядов усложняется предстоящею им борьбой с природой. Если же припомнить те неудачи, которыми сопровождались наши прежние экспедиции в Хиву, новая попытка к решению старой задачи, еще до сих пор кажущейся для многих неразрешимую, представляет немалый интерес. Затем, несмотря на три военные экспедиции и одиннадцать дипломатических агентов, отправленных нами в Хиву с начала XVII столетия, что мы знаем о ней, кроме того, что знал еще Петр Великий? Следовательно предстоит увидеть новый край, новый народ со своеобразною культурой. На наших, так сказать, глазах будет сдернута та завеса, под которою скрывается эта страна, как *terra incognita*. Все это делает

понятным даже желание многих в качестве туристов участвовать в предстоящем походе. Согласны? Что касается лично меня, мои бродяжнические инстинкты возбуждены на этот раз как нельзя более; мое воображение рисует в заманчивых красках даже те испытания, без которых я не представляю себе похода в безводной пустыни. Словом, меня непреодолимо тянет в полудикую Среднюю Азию, как в Африку, в Австралию, как всюду, где я не был, и год, который, быть может, я проведу там, будет для меня не потерянным, а настоящим годом жизни.

Я привел эти слова именно потому, что они довольно верно формулировали то, что было на устах или в мыслях военного люда, стремившегося в Хиву. Я также всецело разделял этот взгляд, и главным образом трудности, сопряженные с движением в эту заколдованную страну, мне казались тогда, в бурные дни молодости, заманчивыми в такой степени, что наконец в числе других и я почувствовал себя как бы наэлектризованным и решился проситься в поход.

Я состоял тогда для особых поручений при Е. И. В., Главнокомандующем Кавказской армии, который был временно в Петербурге. Поэтому я обратился с своей просьбой к его помощнику, генерал-адмирал князю Д. И. Святополк-Мирскому.

— Я вас совершенно понимаю, — ответил князь, — и, будь я молодой офицер, охотно принял бы участие в предстоящем движении на Хиву. Поход обещает быть далеко не легким, но зато и интересным. Протелеграфирую Великому Князю, дай Бог успеха!

На другой же день было получено разрешение Его Высочества командировать меня в состав Мангышлакского отряда. Объявляя мне эту радостную весть, князь прибавил:

— Но смотрите, вам нельзя терять теперь ни одного часа: отряд выступает из Киндерли 2 апреля. Осталось, следовательно, пять дней, и за это время вы должны перебраться через Кавказский хребет и переплыть море, т. е. пролететь с лишним тысячу верст. Иначе опоздаете.

— Я не потеряю, ваше сиятельство, ни одной минуты; выеду сегодня же через несколько часов и буду лететь днем и ночью.

— Прекрасно. Кстати, я прикажу отправить вас курьером и передать вам, для доставления князю Меликову¹, только что мною подписанные последние распоряжения относительно Мангышлакского отряда.

Затем, откланявшись князю, я получил из штаба нужные бумаги и под вечер уже мчался по Военно-Грузинской дороге.

Таким образом, мне пришлось быть участником незабвенного Хивинского похода, по установившемуся мнению, одного из труднейших, известных в военной истории, тягости которого вызвали в свое время удивление даже лиц враждебных России, как Вамбери, которые ставили его выше знаменитых походов Ганнибала и Наполеона. Вся европейская печать, военная и общая, с живым любопытством следила за каждым шагом на-

¹ Генерал-адъютант князь Л. И. Меликов был тогда командующим войсками Дагестанской области.

ших войск, интересуясь результатами похода, которые, без всякого преувеличения, превзошли самые смелые ожидания.

Отправляясь в этот поход, я решился вести путевые записки, в которые и заносил, почти с педантической аккуратностью, все выдающееся и заслуживающее внимания. Так составилось у меня довольно полное описание Хивинского похода или, вернее, участия в нем отрядов Кавказского и Оренбургского, на долю которых выпало пройти, почти с ежедневными битвами, все ханство от Аральского моря до столицы. Однако цель этих записок — или писем, если хотите, — заключалась главным образом в передаче моих впечатлений и результатов личных наблюдений. Само собою разумеется, поэтому, что они не имеют ничего общего с «историями», составленными на основании реляций и штабных документов, и не могут претендовать на полноту, которую можно требовать от трудов кабинетных.

В 1879 году записки эти были напечатаны в номерах «Русского вестника» под заглавием «Степь и оазис». Тем не менее решаюсь вновь предложить их читателям, ввиду внимания, вызванного к нашему походу по случаю исполнившегося на днях двадцатипятилетия со дня покорения Хивы.

7 июня 1898 года
Гори

*Встреча с лейтенантом Штум и прибытие
в Темир-Хан-Шуру.*

7 апреля 1873 года. Шура.

На почтовой дороге по Тереку грязь была непролазная. Около станицы Шелковой я наткнулся на застрявший, точно в болоте, громадный тарантас шестериком. Целая груда чемоданов и ящиков была выложена на землю, и недалеко стояла с багажом еще и перекладная. Человек шесть ямщиков и прислуги силились сдвинуть экипаж, но тщетно.

Несколько в стороне от экипажей, на краю дороги, стоял в венгерке иностранный офицер. Он наблюдал за происходившим пред его глазами, а его молодое красивое лицо выражало отпечаток крайнего нетерпения.

Когда я поравнялся, офицер, как бы направляясь ко мне, изящно взял «под козырек»; в его лице нетрудно было прочесть желание сказать что-то, и я остановился. Подойдя ко мне, иностранец назвал себя и начал горячо рассказывать о своем критическом положении: он едет дни и ночи, чтобы не опоздать ко времени выступления

русского отряда из Киндерли, но, несмотря на массу бумаг от всевозможных столичных и нестоличных начальников, его везут «не так быстро, как русских офицеров», которые то и дело перегоняют его и пролетают мимо на своих почтовых тележках.

Признаюсь, я удивился этой массе вещей, когда узнал, что мой собеседник — лейтенант Вестфальского гусарского полка Штум, отправляющийся также в Хивинский поход. Мы решили проехать вместе до первой станции, с тем чтоб оттуда выслать за его экипажем свежих лошадей.

Усаживаясь в мою тележку, лейтенант в свою очередь удивился. Он странно оглядел небольшие сак и чемодан, валявшиеся в моих ногах вместе с крошечною складною кроватью.

— Это весь ваш багаж? — спросил он. — И вы с ним отправляетесь в Хиву?

— Да. Здесь необходимое платье и несколько книг, и я буду очень рад, если мне не придется бросить и это. Вы, я полагаю, встретите большие затруднения, если не облегчите себя: ваш багаж потребует не менее десяти верблюдов.

— Я ничего не брошу, — отвечал Штум. — Я не еду сражаться и потому желаю окружить себя возможно большими удобствами. Во Францию во время войны я выехал с меньшим багажом, но тогда я знал, что пускаюсь не в дикую степь, где ничего себе не достану. Скажите, неужели в походе все русские офицеры отказывают себе во всех удобствах?

— Мы отказываемся от многих мелких удобств жизни, чтобы приобрести одно крупное удобство похода: быть налегке, иметь поменьше вещей, следовательно, поменьше и хлопот. Тем не менее мы оставляем за собою достаточно, чтобы считать свою обстановку гораздо комфортабельнее солдатской: мы будем, быть может, на солдатской пище, но с прибавлением к ней всего, что можно найти в походной лавке маркитанта; мы поедем верхом, ничем не обремененные, в то время когда солдат с ружьем, с тяжелою сумой пройдет сотни верст при самых неблагоприятных условиях. Наконец, у нас найдется хоть кожаная подушка на ночлеге, когда солдат не найдет зачастую и камня под свою голову. Полагаю, что этого достаточно.

Дальнейший путь мы совершили вместе и 29-го марта прибыли в Шуру. Здесь мы узнали, что вследствие разных затруднений по снабжении отряда перевозочными средствами он выступит только после 10 апреля. Торопиться, значит, незачем. Пользуясь временем, мы приобрели здесь хороших лошадей и весьма удобно снарядились к походу.

Штум купил на большую сумму изделия Дагестана и дорогое оружие для кабинетов императора Вильгельма, наследного принца и короля Баварского. Первому из них он прямо телеграфировал о своем приезде в Шуру и о дальнейших предположениях.